

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 304–312

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 304–312

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

Научная статья

УДК 355.48(47+57+430)|1943|+358.119.1(47+57+4)(09)

Танковый бой под Прохоровкой: ключевые оценки и суждения в современной отечественной историографии

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет, Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики преподавания истории, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся в разное время стереотипы хода боевых действий Курской битвы, искажающие реальную историческую картину. Проанализированы различные подходы в оценке значения контрудара 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой. Выявлены отдельные противоречия и пробелы современных исторических трудов. Акцентировано внимание на преувеличении авторами исторических работ роли новых немецких танков «Тигр» в боях под Прохоровкой 12 июля 1943 г. Предпринята попытка исследовать сложившийся в исторических работах стереотип о полной бесполезности легких танков Т-70 в бою под Прохоровкой 12 июля и низких боевых качеств английских тяжелых танков «Черчилль».

Ключевые слова: контрудар под Прохоровкой, танк «Тигр», танк Т-70, танк «Черчилль», 5-я гвардейская танковая армия

Для цитирования: Воейков Е. В. Танковый бой под Прохоровкой: ключевые оценки и суждения в современной отечественной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 304–312. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Tank Battle near Prokhorovka: Key assessments and judgments in Modern Russian Historiography

E. V. Voeikov

Penza State Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky of Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgenij V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, AuthorID: 289593

Abstract. The article examines the stereotypes of the course of the Battle of Kursk that have developed at different times, distorting the real historical picture. Various approaches to assessing the significance of the counterattack of the 5th Guards Tank Army near Prokhorovka have been investigated. Some contradictions and gaps of modern historical works are revealed. The article focuses on the exaggeration by the authors of historical works of the role of the new German Tiger tanks in the battles near Prokhorovka on July 12, 1943. An attempt is also made to investigate the stereotype that has developed in historical works about the complete uselessness of T-70 light tanks in the battle of Prokhorovka on July 12 and the low combat qualities of the British Churchill heavy tanks.

Keywords: counterattack near Prokhorovka, "Tiger" tank, T-70 tank, "Churchill" tank, 5th Guards Tank Army

For citation: Voeikov E. V. Tank Battle near Prokhorovka: Key assessments and judgments in Modern Russian Historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 304–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-304-312>, EDN: WGKBUJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2023 г. Россия отмечает 80-летие Курской битвы, завершившей коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Для российских историков юбилейная дата может служить поводом для оценки достижений и анализа недостатков в вопросах научного изучения одного

из крупнейших сражений самой страшной за всю историю нашей страны войны.

Несмотря на кажущуюся изученность, многие аспекты Курской битвы требуют дополнительного исследования. В связи с юбилейной датой уместно попытаться взглянуть в целом

на состояние изученности темы, предпринять анализ имеющихся достижений отечественной историографии, выделить перспективные направления исследований, рассмотреть сложившиеся стереотипы. Историография контрудара под Прохоровкой 12 июля 1943 г. исследована в статьях Ю. А. Никифорова [1] А. А. Соловьевой и Г. А. Кругликовой [2]. В рамках данной статьи автором предпринята попытка проанализировать наиболее типичные и распространенные искажения событий и результатов Прохоровского сражения.

На протяжении многих десятилетий контрудар резервной танковой армии 12 июля 1943 г. рассматривался в исторических трудах в качестве успешного и крупнейшего танкового сражения всей войны, где во встречном столкновении сошлось от 1200 до 1500 советских и немецких танков и где решился исход боевых действий оборонительной операции Воронежского фронта.

Следует подчеркнуть, что очевидцы событий в июле–августе 1943 г. были более сдержаны в оценках контрудара под Прохоровкой. Представитель ставки ВГК А. М. Василевский сообщал главнокомандующему о боевых действиях 12 июля: «Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.7 угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го гв. механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова... Ликвидация же прорыва армии Жадова... 12.7.1943 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го гв. механизированного корпуса... До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем двумястами танками противника. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками» [3, с. 53]. Как видно из приведенного текста, представитель Ставки ВГК на Воронежском фронте маршал А. М. Василевский «крупнейшего танкового сражения» Великой Отечественной войны именно под Прохоровкой 12 июля с участием почти полутора тысяч танков не заметил. Напряженные бои шли и на других участках. Части армии П. А. Ротмистрова и ударной группировки в целом еще до начала наступления утром 12 июля юго-западнее Прохоровки начали раздвигаться на другие угрожающие направления, и количество противостоящих немецких танков двум танковым корпусам армии П. А. Ротмистрова именно под Прохоровкой А. М. Василевский оценил числом порядка 200, а не 400 или 500, как будто писать впоследствии.

В составленном полковником Генштаба Костинным подробном докладе об оборонительной операции Воронежского фронта, датированным 23 августа 1943 г., контрудар под Прохоровкой характеризовался уже как более масштабное событие: «5-я гв. танковая армия с приданными ей 2 гв. и 2-м танковыми корпусами непосредственно юго-зап. Прохоровки вступила в ожесточенное встречное сражение с 5-м танковым корпусом СС (указано в документе ошибочно, правильно: 2-й тк СС. – Е. В.) и 17-й танковой дивизией противника. В результате, на небольшом пространстве юго-зап. Прохоровки произошло ожесточенное массовое танковое сражение. Противнику здесь было нанесено решающее поражение, но и 5-я гв. ТА понесла большие потери и не смогла продвинуться вперед» [3, с. 384].

Таким образом, в донесении А. М. Василевского И. В. Сталину и в докладе полковника Генерального штаба события 12 июля под Прохоровкой представлены только одним из крупных танковых боев 5-й гвардейской танковой армии. При этом очень осторожные оценки высказывались как относительно количества единиц участвующей бронетехники, так и масштабов потерь обеих сторон, а также результатов контрудара.

По мнению командующего 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрова, контрудар под Прохоровкой был решающим в ходе боевых действий Воронежского фронта, крупнейшим встречным танковым сражением Великой Отечественной войны, в котором немецкие потери немного превосходили наши, после чего наступавшая немецкая группировка утратила боеспособность. Эта версия вошла во все обобщающие труды по истории Курской битвы [4]. Маршал Г. К. Жуков, который в качестве представителя Ставки ВГК 13 июля сменил А. М. Василевского для координации действий Воронежского и Степного фронтов, также ничего о крупнейшем танковом сражении войны под Прохоровкой не написал. Впоследствии в своих воспоминаниях Г. К. Жуков отмечал: «В своих мемуарах бывший командующий 5-й танковой армией П. А. Ротмистров пишет, будто бы решающую роль в разгроме бронетанковых войск армий «Юг» сыграла 5-я танковая армия. Это нескромно и не совсем так. Обескровили и измотали врага войска 6-й и 7-й гвардейских и 1-й танковой армий... 5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой немецких войск» [5, с. 57].

В 2011–2015 гг. Министерством обороны РФ был издан 12-томный коллективный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В т. 3, где излагаются события Курской битвы, контрудар под Прохоровкой рассматривается с учетом новых данных исторической науки: «После 15-минутного артиллерийского налета 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской

танковой армии и приданные ей 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса утром 12 июля перешли в наступление в общем направлении на Яковлево. Еще раньше, с рассветом, на р. Псел в полосе обороны 5-й гвардейской армии начала наступление танковая дивизия «Мертвая голова». Однако дивизии танкового корпуса СС «Адольф Гитлер» и «Рейх», непосредственно противостоявшие 5-й гвардейской танковой армии, остались на занятых рубежах, подготовив их за ночь для обороны... Сражение продолжалось целый день. Обе стороны несли большие потери» [6, с. 542].

Научные труды современных историков В. Н. Замулина [7], Л. Н. Лопуховского [8], А. В. Исаева [9], базирующиеся на широком круге архивных материалов и воспоминаний участников, содержат подробный фактический материал, позволяющий оценить ход и результаты контрудара 12 июля под Прохоровкой. Как считают некоторые авторы, участвующей с обеих сторон бронетехники было существенно меньше указываемого в научных работах 1970–1980-х гг. количества 1200–1500 танков. «На знаменитом «танковом поле» западнее Прохоровки в этот день действовало 514 советских танков и САУ, против 210 немецких танков и штормовых орудий, а южнее станции – 148 танков и САУ против 119 танков и штормовых орудий. В общей сложности в двух районах под Прохоровкой непосредственно в боях участвовала 991 бронетехника, 724 и 267 – соответственно» [4, с. 4].

В. Н. Замулин и Л. Н. Лопуховский также утверждают, что встречного танкового сражения, на которое рассчитывало командование Воронежского фронта, под Прохоровкой 12 июля 1943 г. не было. В ночь с 11 на 12 июля немецкие танковые дивизии «Leibstandarte SS Adolf Hitler» (далее – «Адольф Гитлер») и «Das Reich» (далее – «Рейх») заняли оборону, подтянув на прямую наводку противотанковые орудия и самоходную артиллерию. Танкистам 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии пришлось прорывать немецкие позиции, танки вводились в бой постепенно на ограниченном пространстве между железнодорожной насыпью и рекой Псел, что привело к неоправданно высоким потерям.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о потерях сторон. В частности, авторы коллективного труда Министерства обороны пишут: «Под Прохоровкой советские войска потеряли 60% танков (500 из 800), а немецкие – 75% (300 из 400, по немецким данным – 80–100)» [6, с. 544]. При этом не совсем понятен источник сведений о 500 подбитых под Прохоровкой советских танков и 300 немецких, ссылки на архивные или опубликованные документы в данном случае не приводятся.

Количество потерь в бронетехнике за 12 июля, указанное исследующим Прохоровское сражение с конца 1990-х гг. историком

В. М. Замулиным в монографии 2005 г., составляет порядка 340–360 единиц у частей Красной армии и 140–190 у немецких войск [7, с. 629]. Л. Н. Лопуховский в своей работе того же периода приводил похожий показатель – 382 танка, потерянных танковой армией П. А. Ротмистрова [9, с. 490]. К сожалению, авторы т. 3 издания Министерства обороны своего отношения к научным работам указанных историков и приводимым в них количественным данным потерь никак не определили, в списке использованной литературы указанные монографии отсутствуют.

Тему Прохоровского сражения нельзя считать закрытой. Ряд аспектов, таких как точные потери немецкой стороны в живой силе, бронетехнике и артиллерии за 12 июля, причины значительного количества подбитых танков 5-й гвардейской танковой армии, ход боевых действий на Прохоровском направлении 13–15 июля нуждаются в дополнительных исследованиях.

В литературе последних десятилетий реконструированы количественные показатели людских потерь и бронетехники, но при этом почему-то не учитываются уничтоженные танкистами П. А. Ротмистрова в ходе боя 12 июля немецкие артиллерийские орудия. В воспоминаниях участников боя под Прохоровкой 12 июля говорится, что танкисты выводили из строя как противотанковые пушки, так и гаубицы противника. Например, командир танка Т-34 Василий Брюхов вспоминает, что он «первым снарядом накрыл 75-мм пушку, которую расчет выкатывал на огневую» [цит. по: 10, с. 195]. Историк В. Н. Замулин приводит воспоминания немецкого артиллериста дивизиона 150-мм гаубиц артполка дивизии «Адольф Гитлер» Мутерлозе. Появление русских танков с десантом на броне было совершенно неожиданным. Две гаубицы успели выстрелить, но никакого вреда русским танкам это не принесло. «И прежде чем наши артиллеристы смогли перезарядить орудия и выстрелить снова, все танки повернули свои башни и открыли огонь по нашим позициям своими осколочными снарядами без перерыва и сострадания...» [11, с. 388–389].

А. В. Исаев пишет, что танкисты 18-го танкового корпуса во второй половине дня «сумели прорваться на позиции артиллерии противника» [8, с. 219]. Аналогичную информацию приводит и В. Н. Замулин: «Используя складки местности и задымленность поля боя, танки... неожиданно ворвались на огневые позиции артиллерийского полка дивизии» [12, с. 296].

Кроме того, элементарная логика подсказывает, что, прежде чем выйти к позициям крупнокалиберных полевых орудий, танки 18-го танкового корпуса, вклинившиеся в оборону немцев на 6 км, неизбежно прошли через немецкие батареи 50-мм и 75-мм противотанковых орудий, иначе Т-34 просто не доехали бы до позиций немецких гаубиц. Однако все исследователи,

анализируя немецкие потери, обычно сосредотачивают главное внимание на бронетехнике. По мнению автора настоящей статьи, к 140–190 немецким танкам, подбитым 12 июля под Прохоровкой [7, с. 629], необходимо добавить, по крайней мере, два–три десятка выведенных из строя или уничтоженных немецких противотанковых пушек и гаубиц.

Также почему-то не предпринимаются попытки хотя бы приблизительно подсчитать уничтоженные в ходе боя 12 июля бронетранспортеры танковых дивизий СС, хотя они, безусловно, были. В частности, упоминание о потерях этих бронемашин есть в воспоминаниях танкиста дивизии «Адольф Гитлер», который наблюдал отступление немецких частей: «Затем появилась седьмая рота, которая находилась в авангарде... она была почти полностью раздавлена и, отступая, привела за собой русские танки... Наибольшие потери понесли наши бронемашин. У них была очень тонкая броня. Внутри находились пехотинцы и саперы. Они загорались с первого попадания. Несколько горящих машин мы видели собственными глазами» [11, с. 369]. Добавление в общий счет немецких потерь в технике еще нескольких десятков артиллерийских орудий и бронетранспортеров позволяет более объективно оценить результат контрудара резервной танковой армии и сократить возможности для псевдоисторических спекуляций на тему неумения воевать солдат и командиров Красной армии.

Целая серия живучих стереотипов и заблуждений связана с новыми образцами немецкой бронетехники, впервые примененной в Курской битве.

Немецкие самоходки «Фердинанд» в количестве 90 штук были брошены в бой на северном участке Курской дуги против войск Центрального фронта, на южном направлении против Воронежского фронта данный вид бронетехники в июле 1943 г. не использовался [8, с. 103–104]. К сожалению, сведения о «Фердинандах» на Белгородском направлении, якобы воевавших против танковой армии П. А. Ротмистрова, вошли в опубликованный в 2012 г. т. 3 «Битвы и сражения, изменившие ход войны» многотомного научного труда Министерства обороны [6, с. 544]. Повторил информацию о «Фердинандах» под Прохоровкой самарский историк Г. М. Ипполитов в своей содержательной статье о фальсификациях Курской битвы [13, с. 442]. Подобные неточности допускают и зарубежные историки. Также включил самоходки «Фердинанд» в состав воевавшего в группе армий «Юг» 2-го танкового корпуса СС и Ник Корниш, пометивший фотографию этой самоходки с соответствующей подписью [14, с. 161].

Тяжелая немецкая самоходная установка «Фердинанд» с 200-мм лобовой броней, которую в принципе не могли пробить лобовые артсистемы

СССР того времени, произвела на участников боев сильное впечатление. С лета 1943 г. и вплоть до конца войны на уровне бытовой солдатской памяти термин «Фердинанд» стал использоваться для обозначения всех многочисленных моделей немецкой самоходной артиллерии. Чаще всего «Фердинандами» называли немецкое Sturmgeschütz III или «Штурмгешюц» [15, с. 320–321].

Еще одним часто встречающимся стереотипом Курской битвы стал сюжет о повсеместном распространении тяжелых танков «Тигр» (Pz. VI), которые, если верить боевым донесениям, сообщениям в печати, послевоенным воспоминаниям участников боев и работам отдельных историков, в громадных количествах атаковали позиции пехотинцев, артиллеристов и танкистов Красной армии на всех участках Центрального и Воронежского фронтов. Однако новых «супертанков» в немецких танковых дивизиях в Курской битве было не очень много. 144 тяжелых Pz. VI в общей массе 2,7 тыс. немецких танков, выделенных командованием Германии для участия в операции «Цитадель», если брать только количественный аспект, совершенно не впечатляют. На широком пространстве немецкого наступления в десятки километров как на северном, так и на южном участках Курского выступа, 100 «Тигров» против войск Воронежского фронта и 40 – против Центрального фронта вряд ли могли кардинально переломить ситуацию и обеспечить решающий успех немецкого наступления.

В ходе Курской битвы летом 1943 г. немецкие танкисты продолжали воевать преимущественно на привычных им с лета 1941 г. средних танках Pz. III. Из числа панцердивизий, выделенных немецким командованием для операции «Цитадель», по данным специалиста истории бронетехники М. Б. Барятинского, рекордсменом по количеству «троек» можно считать 11-ю танковую дивизию, где Pz. III насчитывалось 79 (70% общего количества). Следует также отметить 3-ю и 8-ю танковые дивизии: 60 бронеединиц (66%) и 65 (63%), соответственно [16, с. 70].

В. Н. Замулин приводит сходные данные: Pz. III в дивизии «Рейх» было 70 из 144 танков (48,6%), в дивизии «Мертвая голова» – 63 из 130 (48,5%) [17, с. 902–903]. Можно рассчитать соотношение танков различных типов в группе армий «Юг» на 4 июля 1943 г. Во 2-м танковом корпусе СС было 390 танков, в 3-м танковом корпусе армейской группы «Кемпф» – 344 танка, в 48-м танковом корпусе 4-й танковой армии – 527 танков, всего – 1261. Из них танков Pz. III было, соответственно, 146, 152 и 149, всего – 447 (35,4%). Средних танков Pz. IV в трех немецких корпусах было 168, 104, 117, итого – 389 (30,8%). «Пантер» (Pz. V), которые в Курской битве применялись исключительно в группе армий «Юг»,

насчитывалось 200 (15,9%). Знаменитых «Тигров» (Pz. VI) в трех указанных корпусах – 42, 45 и 15, итого – 102 (8%) [17, с. 902–903]. Таким образом, основными видами бронетехники немецких панцерваффе в Курской битве, несмотря на сложившиеся в научной и популярной литературе стереотипы о насыщении танковых войск вермахта летом 1943 г. «Тиграми» и «Пантерами», оставались, как и в 1942 г., средние Pz. III и Pz. IV, составлявшие 66,2% всех танков группы армий «Юг» к началу немецкого наступления. Кроме того, в танковых боях вместе с немецкими танками активное участие принимали самоходные артиллерийские установки Stug III, которых в группе армий «Юг» было 208.

Подготовка к борьбе с новыми немецкими танками пехотинцев и артиллеристов накануне Курской битвы в сочетании с массовым распространением инструкций с рисунками уязвимых мест немецкой бронетехники наряду с несомненными положительными результатами породила и определенную «тигроманию». В ходе Курской битвы чуть ли не в каждом подбитом немецком танке бойцы и командиры Красной армии стремились увидеть «Тигр». В документах даже появился термин «Тигр тип 4», под которым скрывалось обозначение обычного немецкого среднего танка Pz. IV [18, с. 52–53]. Например, в сообщении по ВЧ члена Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущева И. В. Сталину приводились сведения, что потери противника за 12.07.1943 г. составили 150–160 танков, из них до 40 типа «Тигр» [19, с. 351–352]. В действительности боеспособных танков данной модификации в этот день в группе армий «Юг» было всего 46, потерять за один день сразу 87% своих Pz. VI было для немецких танкистов маловероятным, тем более, что 14 июля в немецкой группировке еще оставался 31 «Тигр» [8, с. 544].

Традиции «тигромании» в современной отечественной историографии продолжают, например, авторы уже упоминавшегося т. 3 много-томного издания Министерства обороны при описании Прохоровского сражения. По их сведениям, противостоящий 5-й гвардейской танковой армии «2-й танковый корпус СС имел 400 современных танков: около 50 тяжелых танков “Тигр” (пушка 88-мм), десятки скоростных... средних танков “Пантера”...» [6, с. 544].

Попробуем разобраться в приведенных сведениях. «Около 50», а точнее ровно 42 танка «Тигр» в трех входивших во 2-й танковый корпус танковых дивизиях СС было 4 июля 1943 г., т. е. перед началом операции «Цитадель» [17, с. 902–903]. За неделю боев к 12 июля количество «Тигров», равно как и общее количество единиц бронетехники в корпусе (кстати, 390 на 4 июля, а не 400), не могло не измениться в меньшую сторону: артиллеристы, танкисты, стрелковые подразделения Воронежского фронта ежедневно

выводили из строя десятки танков противника. «Пантеры» (Pz. V) в количестве 200 шт., объединенные в 10-ю танковую бригаду 48-го танкового корпуса 4-й танковой армии, организационно в состав 2-го танкового корпуса СС не входили [17, с. 902–903]. 12 июля все оставшиеся в строю «Пантеры» находились в районе р. Пена на значительном удалении от Прохоровки в боях против 1-й танковой армии М. Е. Катюкова.

Под Прохоровкой вечером 11 июля в дивизии СС «Адольф Гитлер» боеспособных «Тигров» было 4, в дивизии «Рейх» – 1, в дивизии «Мертвая голова» – 10 [8, с. 364]. Однако дивизия «Мертвая голова» 12 июля задействовала большую часть своей бронетехники для наступления на другом берегу р. Псел. В. Н. Замулин приводит данные немецких историков, согласно которым за 12 июля в излучине р. Псел «Мертвая голова» потеряла все 10 «Тигров» [10, с. 435]. Таким образом, на главном направлении удара 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии в составе противостоящей им немецкой бронетехники никак не могло быть больше 5 танков Pz. VI. Поэтому претендовать на существенный вклад в результат боя 12 июля данные тяжелые танки никак не могут.

Еще одним вариантом стереотипа, связанного с немецким «Тигром», является некритичное восприятие его тактико-технических характеристик. Например, белорусский автор многочисленных популярных работ по истории Великой Отечественной войны, написанных в сверхкритическом стиле по отношению к командованию Красной армии, В. В. Бешанов расточает массу комплиментов данному образцу немецкой бронетехники: «Не имел достойных противников на поле боя», «убийственно точное орудие и отличная оптика обеспечивали 100-процентное попадание в неподвижную цель с первого выстрела на расстоянии 1000 метров», «прогрессивная трансмиссия... и торсионная подвеска делали “Тигр” легкоуправляемой машиной с плавным, совершенно бесшумным ходом», «ее водитель не затрачивал больших физических усилий, освоить управление танком было несложно» [20, с. 288–289].

Применительно к толщине брони, легкости управления, бронепробиваемости орудия, плавности хода, а еще и качеству прицелов в совокупности с приборами наблюдения танк Pz. VI существенно превосходил в 1943 г. танки аналогичного класса СССР, Великобритании и США. Однако В. В. Бешанов почему-то забывает о недостатках «Тигра», которых было немало. Танк был спроектирован как сверхмощное противотанковое оружие для боя на дальних дистанциях и терял свои преимущества в вооружении и броневой защите в ближнем бою, чем активно пользовались в 1943–1945 гг. русские, американские и английские танкисты.

Как справедливо подчеркивает известный историк А. В. Исаев, неуязвимых танков не существует [15, с. 327–328]. В частности, используемые в Курской битве как противотанковые 85-мм зенитные орудия уже с километрового расстояния гарантированно поражали немецкие Pz. VI в любую часть корпуса и башни.

В 1943 г. было проведено обследование брони новых немецких танков: «76-мм дивизионное и противотанковое орудие обр. 1942 г., или танковую пушку обр. 1940 г. возможно применять только против бортов танка «Тигр» на дальности 50–100 метров бронбойным снарядом БР-350БСП, или 76-мм бронбойным катушечным боеприпасом на дальности до 400 м. ... 45-мм противотанковую пушку обр. 1942 г. и обр. 1937 г. применять только для стрельбы по бортам танка «Тигр» подкалиберным катушечным боеприпасом с дистанции не свыше 300 м...» [21, с. 93]. Из приведенного отрывка видно, что основные противотанковые орудия Красной армии калибра 45 и 76 мм могли подбить тяжелый немецкий танк только в борт специальными новыми подкалиберными снарядами, которых летом 1943 г. было еще мало, с минимальной дистанции несколько сотен метров. Но именно в ходе оборонительной фазы Курской битвы тяжелые немецкие танки Pz. VI часто использовались в качестве тарана для пробивания обороны. В атаке происходило сближение «Тигров» с противотанковыми орудиями до минимальной дистанции, поэтому шансы поразить уязвимую бортовую броню немецкого «супертанка» у артиллеристов Красной армии резко повышались.

Не следует также забывать, что танк еще должен доехать к месту боя своим ходом, не сломавшись по дороге. Избыточная масса «Тигра» приводила к постоянному перегреву двигателя и трансмиссии, поэтому выход из строя именно этих агрегатов стал наиболее распространенной технической неисправностью тяжелого немецкого танка [22, с. 71]. Форсировать даже небольшие речушки вброд «Тигр» тоже оказался не в состоянии [18, с. 62, 79, 81]. Поэтому при употреблении эпитетов «лучший», «сильнейший», «неуязвимый» применительно к «Тигру» следует соблюдать осторожность. Появившийся на поле боя весной 1944 г. тяжелый танк ИС-2 имел аналогичное «Тигру» бронирование, но весил 44 т, что обеспечивало ему и большую, по сравнению с 55-тонным Pz. VI, маневренность на поле боя, более высокую скорость на маршах и меньший износ ходовой части. Единственный параметр, по которому немецкий танк превосходил ИС-2, была скорострельность орудия, что имело решающее значение именно в танковых дуэлях.

Однако великолепные качества «Тигров» в танковых поединках на дистанции в 1,5–2 км могли обеспечить немецким танкистам

тактическое превосходство только в отдельных эпизодах. Известный современный историк А. В. Исаев подчеркивает: «Предметом оживленных дискуссий является вопрос дуэльного сравнения танков. Условно говоря, что было бы, если два танка поставит друг против друга в чистом поле. Сравнение в такой форме в общем случае некорректно. Воюют не танки друг против друга, подобно средневековым рыцарям, но подразделения, оснащенные танками. Поэтому в любом случае в танковом сражении участвовали артиллерия, пехота, саперы» [15, с. 325]. В подтверждение приведенной мысли можно отметить, что значительная часть «Тигров» в Курской битве вышла из строя, подорвавшись на минах [18, с. 73, 77, 83].

Еще одним не до конца исследованным аспектом Прохоровского боя, по мнению автора данной статьи, является якобы роковая роль значительного количества легких танков в армии П. А. Ротмистрова, приведшая к значительным потерям. Легкие Т-70 в ходе боевых действий 1942 г. неплохо себя показали в качестве танков-разведчиков, в уличных боях, при ведении боевых действий в лесисто-болотистой местности. Однако против немецких ПТО они были беззащитны, поэтому летом 1943 г. их боевая ценность была сомнительной. Наиболее подробно на данном аспекте темы остановился В. Н. Замулин: «Из 177 танков 18 тк, находясь в строю и в пути 11 июля, 35,5% составили Т-70, остальные – Т-34 и Мк-4, а в «ударном» 29 тк «семидесятки» оказалось еще больше – 38,8%. «Семидесятки» были легкими машинами и не были способны бороться на равных ни с одним немецким танком и основными орудиями ПТО противника. Исключение составляли лишь случаи, когда в их боекомплект включалиськумулятивные или подкалиберные снаряды, но в 18 и 29 тк на тот момент таковых не было» [12, с. 226].

Впрочем, как представляется, историки именно для конкретной ситуации 12 июля под Прохоровкой излишне категоричны в своих суждениях относительно того, что Т-70 были не способны бороться на равных с немецкими танками. С километрового расстояния 45-мм орудие Т-70 для немецких «четверок» и «троек» опасности действительно не представляло, в то время как орудия немецких танков на данной дистанции без труда поражали советский танк. Однако под Прохоровкой уже через час-полтора боя все поле было затянуто дымом от горящих танков и пылью от разрывов снарядов и мин. Поэтому разглядеть что-то определенное дальше нескольких сотен метров даже сквозь цейсовскую оптику прицелов для немецких танкистов было проблематичным. Участник этого боя В. П. Брюхов вспоминал: «Все было закрыто дымом, пылью, огнем так, что казалось, наступили сумерки. Авиация всех бомбила. Танки

горели, машины горели...» [цит. по: 10, с. 195]. Именно в условиях задымленности поля боя под Прохоровкой и прорыва частей 29-го корпуса в совхоз «Октябрьский», а 18-го корпуса вглубь немецкой обороны вдоль берега р. Псел у Т-70 появлялись неплохие шансы бороться с немецкими «панцерами» почти на равных. В ближнем бою 50-мм лобовую броню старых модификаций немецких «троек» и «четверок» 45-мм орудие «семидесятки» было вполне по силам пробить со 100–200 м. На всех немецких «тройках» и «четверках» стояла тонкая 30-мм бортовая броня, которая пробивалась «сорокопяткой» Т-70 уже с 500 м. И тем более не могло спасти от снарядов «семидесятки» бронирование противотанковых немецких самоходок «Мардер» (20 шт. в дивизии «Адольф Гитлер») и самоходных гаубиц «Веспе» (12 шт.). Безусловно, выдержать попадание снаряда 75-мм немецкой противотанковой пушки у легких танков Т-70 шансов не было, но данная артсистема противника также успешно поражала с первого снаряда и средние Т-34. С другой стороны, на ближней дистанции осколочный снаряд 45-мм орудия «семидесятки» был способен вполне эффективно вывести из строя расчет противотанкового орудия.

Недостаточно исследован вопрос, связанный с импортной бронетехникой. В составе 5-й гвардейской танковой армии наряду с отечественной бронетехникой имелось 35 тяжелых танков «Черчилль III» с 57-мм пушкой, полученных СССР из Англии. «У этого танка были очень маленькая скорость и слабая маневренность» [6, с. 544]. В. Н. Замулин отмечает: «Эти машины были далеки от совершенства, на них устанавливалась короткоствольная 57-мм пушка. Из-за слабого бронирования он был прозван в войсках «братской могилой»» [12, с. 295].

Думается, в подобных оценках танка «Черчилль» свою роль сыграл общий стереотип недоверчивого отношения наших танкистов на фронтах Великой Отечественной войны к поступающей по ленд-лизу импортной бронетехнике. Резкая критика большинства американских и английских танков вполне заслужена. Достаточно вспомнить своеобразную конструкцию ходовой части английской «Матильды», делающую ее зачастую непригодной для эксплуатации в условиях России, или высокий силуэт с неудачной компоновкой вооружения американского М-3 с «Генерал Ли».

Выражение «слабое бронирование» применительно к танку «Черчилль» в работе серьезного специалиста по истории Курской битвы, каким, безусловно, является В. Н. Замулин, не совсем оправдано. Толщина лобовой брони данного танка достигала 150 мм. Для сравнения, лобовая броня тяжелого танка КВ-1 равнялась 75 мм, ИС-2 – от 100 до 120 мм, «Тигра» – 100 мм. Рекорд лобового бронирования «Черчилля» превзошел

в 1944 г. только немецкий «Королевский тигр» со своей 180-мм броней корпуса, но и у него лоб башни был аналогичен «англичанину»–150 мм.

Что касается термина «братская могила», то он часто фигурировал среди танкистов и самоходчиков Красной армии в годы Великой Отечественной войны и употреблялся применительно ко многим образцам бронетехники, например, самоходке СУ-76, танкам Т-60 и Т-70, уже упоминаемому американскому М-3 с. Мрачный юмор и пессимизм людей, вынужденных идти в бой и гореть на несовершенных бронированных машинах, психологически можно понять. Но у историков все-таки должны быть более весомые аргументы для оценки боевых качеств танков.

Насчет слабости вооружения «Черчилля» не все так однозначно. В материалах обследования «Черчилля» осенью 1942 г. указывалось, что 57-мм пушка пробивает 60 мм брони с расстояния 950 м [23, с. 122]. В данном случае бронепробиваемость орудия английского танка находилась примерно на уровне 76-мм орудия Т-34. Обвинения английским разработчикам в слабости артсистемы, не рассчитанной на появление на поле боя в 1943 г. «тигров» и «пантер», точно так же можно адресовать и отечественным конструкторам.

В. Н. Замулин приводит данные о действиях «Черчиллей» в ходе прорыва частей 18-го танкового корпуса в глубь немецкой обороны: «Мк-4 лейтенанта Корягина и лейтенанта Малышева сумели подойти на расстояние полукилометра к стоящим в засаде немецким танкам и открыли огонь. В результате, как сообщает журнал боевых действий полка, один Т-IV был сожжен и один «Тигр» подбит. Экипажи соседних машин противника сосредоточили огонь по нашим танкам. Обе машины загорелись, а экипажи получили тяжелые ранения» [12, с. 295–296]. Думается, если бы в данном случае на месте английских танков были танки Т-34, то с расстояния 500 м 76-мм орудия «тридцатьчетверок» вряд ли были бы более результативны. 80-мм бортовую броню «Тигра» с такой дистанции Т-34 мог пробить только подкалиберным снарядом, обычный бронебойный пробивал не свыше 70 мм. Именно толстая броня английских Мк-IV позволила их экипажам уцелеть под огнем немецких танков в течение нескольких минут, за это время русские танкисты успели произвести результативные выстрелы и поразить немецкие Pz. IV и Pz. VI. У отечественных Т-34 и Т-70 в подобной ситуации никаких шансов не было бы. Выстрелить по немецким танкам хотя бы по 2 раза им бы не удалось, потому что после первого же ответного попадания в корпус или башню выпущенного из немецкой «четверки» 75-мм снаряда (не говоря уже о 88-мм снаряде «Тигра»), «тридцатьчетверка» или «семидесятка» сразу бы вспыхнула или взорвалась.

Информация о том, что экипажи танков получили тяжелые ранения, тоже может быть истолкована в данном эпизоде в пользу английских танков. Взрыв топливных баков или боекомплекта Т-34, который неизбежно последовал бы после двух–трех попаданий подряд 75-мм снарядов немецких «четверок» скорее всего просто не оставил бы экипажу «машины боевой» шансов уцелеть. Но 150-мм лобовая броня «Черчилля» немецкой «четверке» была не «по зубам». Такую толщину брони с 500 м могло пробить только 88-мм орудие «Тигра», и то не обычным бронебойным, а подкалиберным снарядом. «Черчилли» в приведенном эпизоде, скорее всего, были сначала обездвижены попаданиями в ходовую часть. Автор серии работ по истории бронетанковой техники Второй мировой войны М. Б. Барятинский отмечал: «Охват гусеницами корпуса привел к резкому повышению поражаемости лобовых ветвей гусениц. Почти все подбитые танки имели попадания в лобовые ветви» [23, с. 126]. И только уже потом у тяжелых английских танков была пробита более тонкая бортовая броня. Если некоторое время вести огонь по двум обездвиженным танкам сразу из нескольких танковых орудий, то рано или поздно уязвимые места корпуса или башни будут поражены. Кстати, информация о тяжелых ранениях свидетельствует о том, что танкисты, несмотря на выход из строя своих броневых машин, все-таки остались живы.

Подводя итоги, можно констатировать, что изучение истории Курской битвы, в частности Прохоровского сражения, сопровождалось и сопровождается различными неточностями. Пересмотр в работах историков старых заблуждений и стереотипов приводит к рождению новых. Серьезной проблемой в настоящее время становится неумение или нежелание отдельных специалистов, занимающихся исследованием боевых действий Курской битвы, разбираться в специфике характеристик бронетанковой техники Красной армии и вермахта. Пора перестать тиражировать фантазии о тяжелых немецких самоходках «Фердинанд» под Прохоровкой. Перспективной задачей является точное определение немецких потерь за день 12 июля как в бронетехнике, так и в артиллерии. Представляется также злободневным более объективный анализ участия как отечественных легких танков Т-70, так и тяжелых английских «Черчиллей» именно в Курской битве, в частности в контрударе под Прохоровкой.

Прохоровка остается важным и значимым событием Курской битвы. Необходимо в связи с этим восстановление исторической правды о событиях как непосредственно 12 июля 1943 г., так и ходе боевых действий предшествующих и последующих дней. Общество, не имеющее исторической памяти, не имеет будущего. Но историческая реальность – понятие многогранное.

С одной стороны, исторические работы должны быть свободны от искажений и фальсификаций, принижаящих героизм военнослужащих Красной армии, с другой – важно обойтись без искусственных приукрашиваний действительности. Актуальная задача – избежать повторения уже совершенных ошибок как советской историографии с жестким дозированием фактической информации и игнорированием фактов, не укладывающихся в заранее заданную идеологическую схему, так и попыток всеобщего развенчивания и разоблачения исторических событий Великой Отечественной войны в период 1990-х гг. – начала XXI в., приведших к появлению массовых фальсификаций.

Подвиг людей, сумевших 80 лет назад нанести поражение сильнейшей армии мира и окончательно переломить ход войны, достоин того, чтобы о нем не только помнили, но и знали в полном объеме историческую картину событий во всем многообразии.

Список литературы

1. Никифоров Ю. А. Прохоровское сражение в исторической памяти и историографии (к 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве) // ЛОКУС. Люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 88–94.
2. Соловьева А. А., Кругликова Г. А. Сражение под д. Прохоровкой 12 июля 1943 г. : актуальные вопросы изучения // Цифровая наука. 2020. № 12. С. 70–80.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта – 23 августа 1943 г. / под ред. В. А. Золотарёва : в 23 т. Т. 15. М. : ТЕРРА, 1997. 464 с.
4. Замулин В. Прохоровка. Технология мифа // Родина. 2013. № 7. С. 4–7.
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. Т. 3. М. : Новости (АПН), 1990. 384 с.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 3 : Битвы и сражения, изменившие ход войны / председатель редакционной комиссии третьего тома В. П. Баранов ; руководители авторского коллектива М. В. Винниченко, О. В. Саксонов. М. : Кучково поле, 2012. 864 с.
7. Замулин В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. 734 с.
8. Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М. : Эксмо ; Яуза, 2005. 624 с.
9. Исаев А. В. Курская битва. Первая иллюстрированная энциклопедия. М. : Эксмо ; Яуза, 2013. 368 с.
10. Дабкин А. Я дрался на Т-34. М. : Эксмо ; Яуза, 2005. 352 с.
11. Замулин В. Засекреченная Курская битва. М. : Яуза, Эксмо, 2008. 784 с.
12. Замулин В. Н. Прохоровское сражение. М. : Вече, 2013. 576 с.
13. Ипполитов Г. М. «Огненная дуга» под огнём фальсификаторов. К 75-летию Курской битвы (5 июля–23 августа 1943 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 433–446.

14. *Корниш Ник.* Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2013. 223 с.
15. *Исаев А. В.* Главные мифы о Второй мировой. М. : Яуза-каталог, 2020. 448 с.
16. *Барятинский М. Б.* Panzer III. Стальной символ блицкрига. М. : Яуза ; Коллекция ; ЭКСМО, 2008. 96 с.
17. *Замулин В.* Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М. : Яуза ; Эксмо, 2008. 960 с.
18. *Коломиец М. В.* «Тигры» на Огненной Дуге. М. : Стратегия КМ : Яуза : Эксмо, 2013. 96 с.
19. В штабах Победы. 1941–1945. Документы : в 5 кн. Кн. 3 : 1943 : «Ломая упорное сопротивление врага...» / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Научно-политическая книга, 2020. 189 с.
20. *Бешанов В. В.* Год 1943 – «переломный». М. : Яуза-каталог, 2021. 544 с.
21. *Свирин М. Н.* Стальной кулак Сталина: история советского танка. 1943–1955. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 416 с.
22. *Барятинский М. Б.* Тяжелый танк «Тигр». Смертельное оружие Рейха. М. : Коллекция ; Яуза ; ЭКСМО, 2006. 96 с.
23. *Барятинский М. Б.* Танки ленд-лиза в бою. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 288 с.

Поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 30.06.2023